

ЕВГЕНИЙ
КАРНОВИЧ

Очерки и рассказы
из старинного быта
Польши

Евгений Петрович Карнович

Северские послы

(Очерки и рассказы из старинного быта
Польши)

«Княжество Северское было в Речи Посполитой удельным владением князя-епископа краковского, а потому, когда на епископскую кафедру в Кракове сел Пётр Гембицкий, то северская шляхта определила отправить к новому владыке двух послов, которые приветствовали бы от имени её князя-епископа и представили ему о некоторых потребностях его княжества. Выбор послов сопровождался шумным съездом местной шляхты. Дружеская весёлая пирушка была необходимым условием подобных съездов тогдашнего времени...»

Евгений Петрович Карнович

Северские послы

Княжество Северское было в Речи Посполи-
той удельным владением князя-епископа
краковского, а потому, когда на епископскую
кафедру в Кракове сел Пётр Гембицкий, то се-
верская шляхта определила отправить к но-
вому владыке двух послов, которые привет-
ствовали бы от имени её князя-епископа и
представили ему о некоторых потребностях
его княжества. Выбор послов сопровождался
шумным съездом местной шляхты. Друже-
ская весёлая пирушка была необходимым
условием подобных съездов тогдашнего вре-
мени.

На пирушке северской шляхты, после мно-
гих круговых обходов огромной стопы с креп-
ким прадедовским мёдом, каждый из присут-
ствовавших шляхтичей начал давать избран-
ным послам свои собственные инструкции,
кто как мог, и кто как сумел. Широки и длин-
ны были эти инструкции, а между тем круго-
вая стопа по прежнему продолжала обходить
как избирателей, так и избранных. Весело, по
старинному обычаю, пировали северские
шляхтичи, а между тем мало-помалу одни из
них, вследствие забористого мёда, попадали

как отравленные мухи, а другие кое-как доплелись домой и улеглись спать.

Несмотря однако на пирушку, длившуюся далеко за полночь, послы встрепенулись чем свет, и севши на коней отправились в князю-епископу по краковской дороге.

Долго ехали они то рядом, то обгоняя один другого, по произволу своих коней, так как седоки едва держали в руках поводья, и кони их шли как хотели. После бессонной ночи и после лихой выпивки, их одолевала ещё сладкая утренняя дремота. Но вот всё выше и выше стало подниматься майское солнце, и всё теплее и теплее начало оно пригревать путников. Послы мало-помалу стали разгуливать и позёвывать, но в это время показалась небольшая корчма. При виде её ободрился сперва пан Вацлав, а потом и товарищ его пан Михал. Оба они, приостановивши своих коней, вопросительно посмотрели друг на друга.

– День добрый! – сказал, позёывая пан Вацлав.

– День добрый! – отвечал пан Михал, тоже позёывая.

– Ведь мы, кажется, едем в Краков послами к князю-епископу?.. – спросил первый.

– А разве ты не помнишь данных нам поручений?.. – перебил хитроватым голосом его спутник.

– Ведь о них-то я только что хотел спросить тебя, – отозвался пан Вацлав.

– У меня решительно всё вышло из памяти после того угощения, какое нам задали, – проговорил пан Михал.

– И у меня мёд отбил всю память, – заметил товарищ пана Михала.

– А ведь а полагался на тебя...

– А я так на тебя...

– Хороши же мы! Нечего сказать!.. – крикнули оба шляхтича в один голос и опять вопросительно посмотрели друг на друга.

Несколько минут продолжалось молчание. Только конский топот раздавался по дороге.

– Что ж нам делать? – спросил наконец пан Вацлав у своего товарища, придерживая коня и в недоумении пожимая плечами.

– Вернуться назад, – заметил довольно равнодушно пан Михал.

– Стыдно!..

– Так поедем вперёд; что будет, то будет...

– Пусть будет по твоему, – отвечал пан Вацлав, – видишь ли недалеке перед нами стоит корчма: не закусить ли там? Ведь известно, что во время еды мысли делаются свежее и спокойнее, мы станем припоминать понемногу обо всём что с нами было, и таким образом по нитке дойдём кое-как и до клубка...

– Совет твой сделан здесь кстати, – заметил пан Михал, – он кстати, во-первых, потому что желудок просит перехватить чего-нибудь, а во-вторых, нам непременно должно подумать о том, зачем мы едем послами от нашей братии-шляхты к его милости князю-епископу.

Пришпорив разом своих коней, которые прежде шли шагом, как будто желая дать седокам возможность подремать на рассвете, оба шляхтича молодецки подскакали к корчме. У ворот её стоял старый еврей Азик, в шёлковом потёртом жупане; он поглаживал свою бороду и подёргивал свои пейсики в ожидании проезжих панов. Вежливо встретил он своих гостей, объявляя им, ещё при входе их на крыльцо, что у него не только

есть овёс, сено, молоко, рыба и яйца, но что у него найдётся и такое отличное вино, какого нельзя достать даже и в Кракове.

– А вот, пан арендатор, мы это сейчас увидим!.. – крикнули Вацлав и Михал.

Спрыгнувши проворно с коней, они вошли в корчму. Покуда гости расправляли ноги и осматривались кругом, Азик успел сбегать в кладовую и вскоре явился к своим вельможным гостям, неся им на пробу несколько флажек венгерского.

Проезжие уселись за столом и в ожидании закуски, опёршись на стол локтями, крепко призадумались о цели своего посольства, стараясь припомнить данные им на этот случай инструкции. Как однако они ни силились, всё было напрасно, а между тем поставленное Азиком на стол венгерское манило их в себе своим золотистым цветом.

– Ну что, пан Михал, припомнил? – спросил Вацлав.

– А ты?

– А вот закусим, так быть может и вспомним.

Прятели дружно принялись за поставлен-

ную перед ними закуску. Закуска поубавилась скоро.

– Ну что теперь, ты вспомнил? – спросил Михал.

– Нет ещё.

– И я ещё нет.

– Попробуем пополоскать горло, – сказал Вацлав – так, быть может, память после этого сделается свежее.

С этими словами оба шляхтича принялись за венгерское, которое, по своему превосходному качеству, упрочило в их мнении славу Азика на веки вечные.

Послы однако призадумались крепче прежнего, а между тем перед ними заметно опорожнилась большая миса квашенной капусты, и быстро исчезло всё венгерское. Несмотря однако ни на закуску, ни на выпивку, шляхтичи не припомнили данных им поручений; мало этого – оказалось даже, что после часовой езды и часового питья в корчме Азика, они не могли пошевелить ни рукой, ни ногой, ни языком, почему они растянулись тут же около стола, на скамейке, бормоча друг другу, что сон и отдых необходимы

после езды верхом и в особенности после хорошей закуски и отличного венгерского. Выспавшись порядком, они вскочили со всех ног и вопросительно посмотрели друг на друга.

– Ну что ж теперь, припомнил? – спросил Вацлав.

– Снилось что-то, а теперь забыл опять всё!.. А ты?..

– И со мной было тоже самое: припоминал что-то во сне, а теперь хоть по лбухвати, ровно ничего не помню, знаю только то, что мне редко приходилось пить такое славное вино, каким попочивал нас Азик.

– А знаешь, приятель, что нам нужно сделать для того, чтоб вспомнить наши поручения? – сказал Михал – нам нужно не торопиться. Ведь когда женибудь мы вспомним всё то, что нам поручили. Переночуем-ка лучше здесь. Неужели же мы и на завтра ничего не вспомним... Хотя бы что-нибудь вспомнить, а там по нитке доберёмся до клубка, – повторил пан Михал.

– А вот я помолюсь хорошенько св. Антонию Падуанскому. Молитва его помогала мне всегда находить то, что мне случалось те-

рять, – заметил Вацлав.

На такие убедительные доводы очень легко сдались оба приятеля, и они решились выспаться хорошенько где-нибудь в сарае – в холодке, на душистом сене. Шляхтичи объявили Азику о своём намерении переночевать в его корчме и спросили обедать. Услужливый корчмарь угостил их за обедом рыбой, еврейской лапшой, а за ужином опять подал им рыбу с горячительными приправами и яичницу, с прибавкой отличного венгерского как за обедом, так и за ужином.

После ужина приятели весело поболтали между собой, и, запивая свою беседу венгерским, дошли уже наконец до того, что уже не узнавали друг друга. Они не отправились спать в холодок, как думали прежде, но в той же комнате улеглись на сене и, как впоследствии рассказывал Азик, храпели так богатырски, что от храпу их дрожали стёкла.

– Уй!.. Я боялся, что стёкла выскочат из рам, – добавлял Азик, передавая проезжим о ночлеге шляхтичей и в изумлении покачивая головой и поправляя на ней свою засаленную ермолку.

На рассвете оба шляхтича вскочили со всех ног и вопросительно посмотрели друг на друга.

– Ну что, ты вспомнил? – спросил пан Михал.

– Нет.

– А ты?

– И я тоже.

– Видно, нечистый обморочил нас, – сказали в голос оба приятеля.

– Что ж делать, ведь лбом стены не прошибёшь, – сказал утешающим голосом пан Вацлав – поедем лучше дальше; дорога не то, что корчма, где сидишь взаперти, на чистом воздухе другое дело, там всё вспоминается как-то легче.

Оба приятеля беспрекословно согласились в справедливости этих слов. Рассчитавшись с Азиком и приветливо поблагодарив его за радужное угощение и за умеренность в расчёте, шляхтичи отправились далее, во имя божие. Воздух был чудный, на полях и в лесах пели птички; где жужжал жук, где трещала стрекоза, где щёлкал кузнечик. Шляхтичи ехали молча, и каждый из них силился припомнить

данные им инструкции, и только время от времени то Вацлав у Михала, то Михал у Вацлава спрашивал:

– А что вспомнил?

– Нет, – отвечал обыкновенно и тот, и другой.

И затем оба начинали припоминать позабытое.

В каждой встречной корчме послы останавливались на ночлег, закусывали, обедали, ужинали, пили и спали и потом отправлялись далее, твёрдо надеясь, что если не сон, то закуска, если не закуска, то обед, если не обед, то ужин, если не ужин, то чистый воздух помогут им припомнить цель их поездки к князю-епископу. Таким образом, после продолжительного странствования, они добрались наконец до Кракова и остановились в одной из тамошних гостиниц.

Сидя за столом, опершись на него локтями, они крепко думали о том, что им следует говорить, явившись перед князем-епископом, и вопросительно посматривали друг на друга, выжидая, кому из них посчастливится первому вспомнить забытые поручения.

– А ведь рано или поздно, но всё же нам нужно будет идти к его княжеской и епископской милости, – проговорил Вацлав после долгого молчания.

– Разумеется, – в глубокой задумчивости отозвался Михал.

– Ну, а что ж ты ему скажешь от имени нашей братии-шляхты? – спросил первый.

– Господь как-нибудь поможет нам. Кто знает, не вспомним ли мы на пути к его дворцу, зачем мы сюда приехали.

– И то правда.

– Что будет, то будет, – крикнули разом оба приятеля, – пойдём поскорее к князю-епископу.

И с этими словами они принялись одеваться.

Цирюльник проворно и ловко подбрil им головы и расчесал их длинные чубы. Шляхтичи надели кунтуши только что с иголки, и, прицепив сабли, отправились в княжеский дворец, думая во всю дорогу о чём они будут говорить с его княжеским преосвященством.

Недолго представителей северской шляхты заставили ждать в епископской приём-

ной. Осторожно вошли шляхтичи в ту комнату, где сидел князь-епископ, и робко подняв глаза они увидели перед собою ещё бодрого старика, с добрым, открытым лицом, в фиолетовой сутане и в тёмной бархатной шапочке на голове.

Почтительно поклонились шляхтичи преосвященному владыке.

Епископ, при входе их, встал с кресел, подошёл в них и подал правую руку, которую они и поцеловали.

– Здравствуйте, дорогие мои братья-северяне, – проговорил ласковым голосом князь-епископ. – Что же скажете вы мне от имени всей вашей братии – северской шляхты?..

Пан Вацлав подтолкнул исподтишка пана Михала локтем, промолвив вполголоса:

– Ну, начинай!..

Пан Михал сделал тоже, пробормотав:

– Начинай ты, ведь ты старше меня.

Но ни тот, ни другой, как говорится, ни п-р-у, ни ну.

Не без некоторого удивления посмотрел князь-епископ на молчаливых послов, которые мялись на одном месте, откашливались,

бледнели, краснели и отирали пот, выступавший крупными каплями на их лицах.

В это затруднительное время вдруг мелькнула в голове пана Вацлава ужасная мысль, что позор его и его товарища падёт на всю северскую шляхту, избравшую таких нерасторопных представителей. В отчаянии от этой мысли пан Вацлав одушевился, откашлялся и твёрдым голосом сказал:

– Ясноосвящённый князь-епископ! Жители северского княжества избрали нас для того, чтобы мы сложили к стопам вашей княжеской и епископской милости их покорнейшую просьбу. Судьбе однако угодно было, чтобы и мы, и отправлявшие нас не поняли содержания этой просьбы. Кто тут прав, кто виноват – разбирать этого мы не можем. Довольно, что нам или не умели передать поручений, или мы не умели их выслушать. Поэтому, – заключил с почтительным поклоном пан Вацлав, – всенижайше просим вашу княжескую и епископскую милость благосклонно принять высокое к вам уважение всей северской шляхты; что же касается собственно нас, то мы вперёд такими послами не будем...

В продолжение этой речи пан Михал то раскланивался с князем-епископом, то поддакивал своему товарищу, то мурлыкал что-то себе под нос.

Добродушно улыбнулся учёный князь-епископ, выслушав речь пана Вацлава и потрепав обоих послов по плечу, сказал им:

– Передайте от меня братии моей, шляхте северской, что я сделаю для них всё что могу. Если же вам что-нибудь понадобится, то не издерживайтесь напрасно на поездку ко мне в Краков, а лучше напишите на бумаге, – добавил его преосвященство, закусывая от смеха нижнюю губу.

Почтительно поцеловали шляхтичи руку снисходительного архипастыря и с радостью вышли из его дворца

– А ведь и правду говорят, что не святые горшки лепят, – сказали оба шляхтича в один голос, возвращаясь в гостиницу в отличном расположении духа.

– Только не надобно рассказывать, как было дело, а то, пожалуй, в другой раз и в послы не выберут, – заметил пан Вацлав.

По приезде послов домой, шляхта встрети-

ла их такой же пирушкой, какой прежде напутствовала их в Краков. Заходила снова круговая стопа, и так как в старое время люди были и откровеннее, и проще, то и послы не утерпели, чтоб не рассказать своим землякам, как было дело. Все от души посмеялись, – и прослыли с тех пор пан Вацлав и пан Михал людьми хоть и с слабою памятью, но зато весьма находчивыми...